

Соня Дымшиц

КОРОЛЬ ЛАМПЕДУЗЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Сержант Сид Коэн – пилот

Сержант Питер Тейт – штурман

Сержант Лес Райт – картограф

Капрал Праут – английский капрал

Полковник Витто – командир гарнизона Лампедузы

Майор Мюде – представитель Вермахта

Сержант Бьянко – итальянский сержант

Переводчик

Четыре тысячи триста итальянских солдат и офицеров

Я

Я: «А это правда, что все евреи знают друг друга?».

Мне восемнадцать лет, я стою в университетской столовой и держу поднос. На подносе суп (кажется, бульон), тарелка с гречневой, иницель и булочка с маком – чтоб немного подсластить унылую студенческую жизнь. Я ищу место, чтобы сесть – сейчас разгар обеденного перерыва и все столики заняты. И тут я слышу вопрос:

«А это правда, что все евреи знают друг друга?».

Задаёт его моя однокурсница – девушка с тускло-зелеными волосами и ярко-красными очками. Мы знакомы неполных три месяца, и, как говорится, ничто не предвещало.

Я останавливаюсь с подносом на перевес и думаю, насколько далеко я сейчас готова послать вопрошающую. Впрочем, как нас учит еврейская традиция (см. Пасхальная Агада, история о четырех братьях), вопрошающий брат, это еще не самый плохой брат.

Нет, ну а в самом деле, что я могу ей ответить?

Я не знаю никаких евреев. Вообще. Никаких. Ну, то есть себя, брата, маму и папу я знаю. А больше, как бы, нет. Ну, то есть, к папе какие-то люди по работе приходят, или к маме подруги, но я тогда обычно ухожу в свою комнату. В своем классе я всегда была единственной еврейкой. И в параллельном тоже никого не было. И в университете, на своем курсе, я тоже теперь одна такая. И вот меня спрашивают:

«Правда ли, что все евреи знают друг друга?».

Я даже не знаю, какими евреи должны быть.

Я знаю, что есть Вуди Аллен, но про него сейчас лучше не говорить, да?

Еще я знаю, что есть грустные фильмы про войну, но их я стараюсь не смотреть.

Я знаю «Скрипача на крыше» - там все поют, но тоже все время грустные...

Еще есть «Однажды в Америке», фильм, он как бы про евреев, но они на евреев не похожи – они там тоже грустные, но по-другому (хотя молодой Макс, ну, один из героев, очень красивый, и действительно похож на евреев со старых фотографий из Еврейского музея в Москве). Но может, дело в том, что я посмотрела фильм совсем маленькой, и ничего в нем не поняла.

Правда, есть еще одна история... Мне ее мама рассказывала в детстве. Я плохо засыпала, когда была маленькая, и маме постоянно приходилось рассказывать мне разные истории, чтобы хоть как-то меня уговорить. И среди них была история «про летчика». Она же история «про то красивое

слово», или, совсем иногда «история про кукурузу». «Кукуруза» – здесь чисто звукоподражательное, потому что «красивое слово» – это название острова в Средиземном море – «Лампедуза». А «летчик» – это сержант британских ВВС Сид Коэн. Начинала мама обычно так:

11 июня 1943 года. Война в разгаре. Лампедуза – маленький остров недалеко от Мальты. Итальянский гарнизон. Остров бомбят самолеты союзников, военные корабли обстреливают с моря. Очень, очень, очень громко. Очень, очень, очень страшно. Маленький остров постепенно стирают с лица земли, точнее, с поверхности моря. Взрывы оставляют огромные воронки и обломки всего, чему не посчастливилось оказаться на пути у снаряда.

В бункерах на острове Лампедуза сидит гарнизон острова Лампедуза. Все молчат, и только вслушиваются в бесконечный грохот, который доносится снаружи. Обстрел продолжается несколько часов.

Перед нами один из упомянутых бункеров. В углу тихо молится солдат, мы не слышим его, только видно, как он быстро-быстро шевелит губам. В отдаление от остальных, насколько это возможно в бункере, сидит майор Мюде.

Майор Мюде – представитель Вермахта, присланный писать донесения об успехах итальянских союзников, сидит и глядит прямо перед собой. Он очень сосредоточен.

Наконец, обстрел прекращается и наступает тишина. Но люди все еще не решаются выходить. Это может быть временным затишьем. И все же, становится спокойнее, все немного расслабляются.

К майору Мюде подходит полковник Витто.

ПОЛКОВНИК: Майор...

Майор Мюде жестом просит полковника замереть, и не мешать ему – майор занят очень важным делом и боится сбиться. Он достает маленькую записную книжку и что-то записывает туда.

МАЙОР: Прошу прощения, полковник. Боялся сбиться со счета.

ПОЛОВНИК: Со счета?

МАЙОР: Я считаю упавшие бомбы.

ПОЛКОВНИК: Неужели фюрера интересуют такие детали?

МАЙОР: Понятия не имею. Так просто спокойнее, знаете. Когда знаешь сколько их.

ПОЛКОВНИК (он не понимает, что ему ответить): Конечно, майор, конечно.

Я: Это был пролог. Мама объясняла – понимаешь, очень важно, что все солдаты на острове были очень деморализованы. Я тогда не знала, что такое «деморализованы», но мне очень нравилось это слово. И когда бабушка, которую волновало мое замужество, с того момента, когда я была еще в утробе, спросила меня, какие мальчики мне нравятся, я уверенно сказала «демолализованные». (Букву «р» я и сейчас через лаз, простите, раз выговариваю).

А на следующий день, говорила мама, 12 июня 1943 года британский самолет вылетел с Мальты, с картографической миссией. Да «калтоглафический» я тогда, ни выговорить, ни понять, тоже не могла.

В пути самолет сбился. И вот, он летит над морем. Низкие густые облака практически сливаются с бурными серыми волнами. В маленькой кабине самолета сидят трое: рыжеволосый красавец (как твой коллега дядя Саша? – да, именно такой) сержант Райт, мрачный очкастый блондин с небольшими усиками, которые он все время дергает (мама почему-то всегда настаивала на этих усиках) – штурман Тейт и черноволосый Сид Коэн (который почему-то в моей голове всегда был очень похож на молодого Макса из «Однажды в Америке»).

СЕРЖАНТ РАЙТ: Попробуй рацию.

ШТУРМАН ТЕЙТ: Я уже пробовал, бессмысленно.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Ты точно ее включил?

ШТУРМАН ТЕЙТ: Какого ответа от меня, профессионального штурмана, ты сейчас ожидаешь?!

ПИЛОТ КОЭН: Так, ребята! Отставить. Ситуация хреновая, но это не повод бросаться друг на друга.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Ладно-ладно. Я одного не понимаю, как наш штурман умудрился сломать компас? Я... я имею ввиду, его же невозможно сломать, даже если очень постараться.

ШТУРМАН ТЕЙТ: Я тебе сейчас что-нибудь сломаю, и даже стараться не буду. Между прочим, откуда ты так много знаешь про то, как ломаются компасы?

ПИЛОТ КОЭН: Ребята!

ШТУРМАН ТЕЙТ: Ты что, лез к моему компасу?

ПИЛОТ КОЭН: Сержант Райт, сержант Тейт, мать вашу!

ШТУРМАН ТЕЙТ: Простите, сержант Коэн.

ПИЛОТ КОЭН: В конце концов, это недостойно британского сержанта, так себя вести! Вы не маленькие.

Напряженная пауза.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Нет, я одного не понимаю, что нам дальше-то делать?

ПИЛОТ КОЭН: Лететь.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Лететь?!

ПИЛОТ КОЭН: У тебя есть предложения получше?

СЕРЖАНТ РАЙТ: Но куда?

ШТУРМАН ТЕЙТ: Я пытаюсь сориентироваться. И если бы всякие сержанты не говорили мне под руку, мне было бы значительно легче.

СЕРЖАНТ РАЙТ: По каким координатам ты нас собираешься ориентировать? По косякам форели? По коралловым рифам?

ПИЛОТ КОЭН: Ни форели, ни коралловых рифов тут не водится.

Пауза.

ШТУРМАН ТЕЙТ: Здесь должна быть земля. Мы же вечно летим над какими-то островами. Обязательно что-то будет.

ПИЛОТ КОЭН: Лучше бы это что-то появилось поскорее. У нас почти совсем не осталось горючего.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Ну что ж... надеюсь, все хорошо умеют плавать.

Пауза.

ШТУРМАН ТЕЙТ: Так.

ПИЛОТ КОЭН: Что?

СЕРЖАНТ РАЙТ: Что?!

ШТУРМАН ТЕЙТ: Кажется, земля. Кажется, под нами земля. Спустишь-ка пониже.

Напряженное ожидание.

ПИЛОТ КОЭН: Черт возьми, и правда, земля!

СЕРЖАНТ РАЙТ: Ну, чего мы ждем, спускаемся, кэп!

ПИЛОТ КОЭН: Подождите-ка, мне это не нравится.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Что тебе может не нравится? Это земля? – земля. Она мокрая? – нет. Она вода? – нет. И что тебе тогда не нравится?

ПИЛОТ КОЭН: Итальянский флаг.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Что?

ШТУРМАН ТЕЙТ: Где?

ПИЛОТ КОЭН: Вон там, над строением, развивается красно-зеленое полотнище. Вот оно-то мне и не нравится.

ШТУРМАН ТЕЙТ: Черт. Это должна быть Лампедуза.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Быть не может, мы же летели на Мальту. Как нас могло занести на Лампедузу?

ПИЛОТ КОЭН: Ну, если только за последние пару часов Мальта не присягнула на верность дуче и, заодно уж, не поменяла свой ландшафт, то это определенно и бесповоротно Лампедуза.

Короткая и напряженная пауза.

ПИЛОТ КОЭН: Ну что ж, джентльмены. Придется хорошенько подготовиться, и встретить то, что нас ждет с честью.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Придется. Готовьте оружие, по крайней мере, покажем этим итальяшкам, чего стоят британские солдаты.

ПИЛОТ КОЭН: Сержант... вы за последние пять минут сошли с ума?

ШТУРМАН ТЕЙТ: Ты сейчас вообще о чем?

СЕРЖАНТ РАЙТ: То есть, о чем? Садимся и дальше, как велит честь мундира, сражаемся до последнего.

ШТУРМАН ТЕЙТ: Чего?!

СЕРЖАНТ РАЙТ: А у тебя какие предложения?

ШТУРМАН ТЕЙТ: Спокойно приземлится, и, как цивилизованные люди, сдаться в плен.

СЕРЖАНТ РАЙТ: В плен?! Кэп, скажи ему.

ПИЛОТ КОЭН: Не с моей фамилией, конечно, сдаваться в плен союзникам нацистов, но боюсь, штурман прав.

ШТУРМАН ТЕЙТ: Не волнуйтесь, сержант Коэн, мы придумаем вам другую фамилию.

ПИЛОТ КОЭН: Другой нос вы мне тоже придумаете?

Пауза.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Нет, я на понимаю. Ты действительно собираешься сдаваться в плен?!

ПИЛОТ КОЭН: У нас не так много вариантов.

Мы можем погибнуть, как настоящие герои – в перестрелке, сделав из себя этакую мишень для итальянцев, если я правильно помню, на острове их около четырех тысячи. Как ты думаешь, скольких мы убьем, до того, как дырок в нашем теле станет больше, чем самого тела?

Еще мы можем умереть не героически– упасть в воду, когда кончится горючее и утонуть.

ШТУРМАН ТЕЙТ: Или, или, мы можем сдать в плен. Признаю, перспектива не самая радужная, но по крайней мере, мы останемся живы. Ну, две трети экипажа точно останутся.

ПИЛОТ КОЭН: Спасибо за внимание к этническому составу нашего судна.

Пауза.

ПИЛОТ КОЭН: Так что, джентльмены, будь что будет. Снижаемся.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Какое сегодня число?

ШТУРМАН ТЕЙТ: 12-е июля, суббота, а что?

СЕРЖАНТ РАЙТ: Хочу запомнить день своего позора.

ПИЛОТ КОЭН: Говорила же мне мама, не летай в шабат...

Я: После этой нравоучительной фразы, если я все еще не засыпала, мы с мамой обычно играли «в самолетик». Я садилась к ней на шею, и мы «летали» по всей комнате, как маленький английский самолетик с мрачным штурманом и встречным ветром. Однажды мы чуть не снесли большую люстру, которая висела под самым потолком. Она до сих пор висит немного криво. Ну, или, может быть, мне так кажется.

Вы, кстати, не поверите, но я специально проверяла – я была уверена, что это мамина шутка, так нет, 12-го июля 1943 года действительно была суббота.

Так вот, самолет, кружась над островом, медленно начинает снижаться. Его замечает совсем молоденький сержант Аллесандро Бьянко, посланный командованием оценить ущерб от вчерашней бомбежки. Он бледнеет и со всех ног бросается к лагерю. Сержант добегают до командира гарнизона полковника Чезаре Витто. Это человек средних лет с большими грустными глазами.

Полковник отрывается от карты и поднимает взгляд на Бьянко.

ПОЛКОВНИК: Ну что еще?

СЕРЖАНТ: Осмелюсь доложить, полковник... там... летят британцы.

ПОЛКОВНИК (устало): Опять?

СЕРЖАНТ: Они странно летят. Как будто собираются садиться.

ПОЛКОВНИК: Значит десант?

СЕРЖАНТ: Там пока только один самолет, ну, то есть виден пока только один самолет...

Полковник Витто качает головой.

Я: Полковник хорошо знает эти хитрости и уловки британцев. Это десант. Здесь в бункере не отсидишься. Это все-таки война. Это будет бойня.

СЕРЖАНТ: Что прикажете делать, сэр?

ПОЛКОВНИК: Объявите тревогу, соберите всех. И пошлите за моим адъютантом. Пусть будет готов печатать.

СЕРЖАНТ: Так точно.

Сержант Бьянко уходит.

Полковник Витто задумчиво ходит по комнате.

Я: Полковнику очень не хочется начинать настоящую войну. Честно говоря, ему уже ничего не хочется. Честно говоря, ему просто очень страшно. В конце концов, он отправляется к представителю фюрера – майору Мюде.

Майор Мюде сидит в своей комнате. Перед ним лежит бумага и ручка – он должен написать еженедельное донесение в штаб.

МАЙОР (самому себе сквозь зубы): «Нас разбомбили, скоро совсем ничего не останется». Нет-нет, такое не подойдет...

Раздаётся стук. Майор Мюде напрягается и на всякий случай прячет пустой бланк.

МАЙОР (почти без акцента): Войдите.

Входит полковник Витто. Честно говоря, трудно сказать, кто из них выглядит более замученным этой войной.

МАЙОР: А, полковник! Добрый день? Как погодка сегодня? Я как раз собирался пойти купаться...

ПОЛКОВНИК: Майор, тут такое дело...

МАЙОР: Что такое?

ПОЛКОВНИК: Я знаю, вы присланы сюда своим командованием, вы здесь представляете фюрера...

Майор Мюде как-то нервно дергается при этих словах.

МАЙОР: Полковник, все что я хочу сейчас, это пойти купаться...

ПОЛКОВНИК: Майор, это очень важное дело.

МАЙОР: Бомбежки могут начаться совсем скоро, и я не успею.

ПОЛКОВНИК: Майор...

МАЙОР: От всего этого стресса у меня начинает шелушиться кожа. Мне нужно принимать морские ванны.

ПОЛКОВНИК: Я собираюсь капитулировать!

Удивленная пауза.

МАЙОР: Я прошу прощения, мой итальянский не так хорош... Что вы имеете ввиду?

ПОЛКОВНИК: Сдаться. Капитулировать. Отдаться на милость врагу.

МАЙОР: А у вас есть этот враг? Которому можно сдаться?

ПОЛКОВНИК: Британский самолет в эту самую минуту спускается на остров.

МАЙОР: Так чего вы ждете? Идите и капитулируйте! Быстро, быстро пока они не передумали!

ПОЛКОВНИК: То есть вы не против? А как же Рейх? Как же Фюрер?

МАЙОР: Сначала пусть Фюрер посидит в бункере под обстрелами, а потом поговорим.

Полковник Витто смотрит на него недоверчиво.

МАЙОР: Чего вы ждете?

ПОЛКОВНИК: Честно говоря, я думал...

МАЙОР: При всем уважение, полковник, мне совершенно не интересно, что вы думали. Сейчас вы идете капитулировать, а я иду купаться.

Взяв под мышку полотенце, майор Мюде уходит.

Тем временем, британский самолет совершает еще несколько кругов над островом и с трудом приземляется. Он приземляется не на посадочную

полосу, он приземляется просто посреди острова. В неприятной близости от итальянского лагеря.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Ты здесь сел, чтобы им не пришлось долго за нами ходить? Или это такой элемент неожиданности?

ПИЛОТ КОЕН: Штурман, скажите, пожалуйста, фотографу, что а) он придурок и б) пусть в следующий раз сам сажает самолет без топлива и при такой облачности, а я посмотрю.

Долгая пауза.

ШТУРМАН ТЕЙТ: Что-то мне это не нравится.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Тебе ничего никогда не нравится.

ШТУРМАН ТЕЙТ: Можно подумать, тебе нравится эта увлекательная неизвестность в сердце вражеского лагеря?

СЕРЖАНТ РАЙТ: А чего ты ожидал? Приветственную делегацию?

Пауза.

ШТУРМАН ТЕЙТ: Как вы думаете, они разрешат нам писать письма?

ПИЛОТ КОЭН: Кому ты собираешься писать?

ШТУРМАН ТЕЙТ: Сестре. Я обещал ей писать каждую неделю.

СЕРЖАНТ РАЙТ: А сколько ей?

ШТУРМАН ТЕЙТ: Девять. Она совсем маленькая. Есть еще старшая, но ей я ничего не обещал.

Пауза.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Интересно, чем нас будут кормить.

ПИЛОТ КОЭН: Макаронами?

ШТУРМАН ТЕЙТ: Это не стереотип?

ПИЛОТ КОЭН: Нет, это удобная в хранении, сытная и быстрая в приготовление еда.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Скорее всего, какой-нибудь гадостью.

ПИЛОТ КОЭН: Чтобы это была наша главная проблема.

Пауза.

ПИЛОТ КОЭН: Я вот не понимаю, чего они ждут? Почему мы все еще сидим здесь, почему нам еще не тычут в лица ружьями и не отбирают пистолеты?

СЕРЖАНТ РАЙТ: Ты куда-то спешишь?

ШТУРМАН ТЕЙТ: Не, я согласен с Сидом, тишина действует на нервы.

Пауза.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Может, они ждут пока мы вылезем?

ШТУРМАН ТЕЙТ: Зачем?

СЕРЖАНТ РАЙТ: Чтобы расстрелять нас...

ПИЛОТ КОЭН: Они не будут стрелять в нас.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Откуда ты знаешь?

ПИЛОТ КОЭН: По крайней мере, пока мы не отойдем от самолета. Зачем им дырывать отличный новенький самолет?

Пауза.

ПИЛОТ КОЭН: Ну, все. Я пошел.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Сид!

ПИЛОТ КОЭН: Я не могу так больше сидеть. Я задыхаюсь. Чего мы здесь сидим? Все равно не пересидим их.

ШТУРМАН ТЕЙТ: Ну, говори за себя.

СЕРЖАНТ РАЙТ: Питер!

ПИЛОТ КОЭН: Я пошел.

ШТУРМАН ТЕЙТ: Сид!!!

СЕРЖАНТ РАЙТ: Не будь идиотом!

Пилот Коэн вылезает из самолета.

Я: Пока в кабине самолета происходят эти горячие споры, снаружи кабины, на прибрежном песке стоит весь итальянский гарнизон (четыре тысячи триста человек), и ждет, нервно переминаясь с ноги на ногу. Гарнизон стоит с ружьями на перевес – они готовятся приветствовать захватчиков. Но захватчиков почему-то нет.

Полковник Витто стоит у самого самолета. Очень долго оттуда никто не выходит, и это определенно действует полковнику на нервы. Что они там задумали?!

Рядом с полковником стоит сержант Бьянко.

СЕРЖАНТ: Может быть, это такой трюк?

ПОЛКОВНИК: Что вы имеете ввиду?

СЕРЖАНТ: Ну, может быть, там нет никого. Они просто начинили его взрывчаткой.

ПОЛКОВНИК: Сержант Алессандро Бьянко, во-первых, не распространяйте панику, во-вторых, это невозможно. Как бы он сюда долетел?

СЕРЖАНТ (себе под нос): Может быть, они использовали радиоволны. Я точно слышал от своего брата, что можно при помощи радиоволн такое сделать, чтоб самолёт сам летал.

Наступает долгая пауза. Все очень нервничают.

Наконец, пилот Коэн очень аккуратно высовывается из самолета. Видит кто его встречает и замирает. Больше всего ему сейчас хочется забраться назад в самолет и больше никогда оттуда не вылезать, но он понимает, что это бессмысленно. Огромным усилием воли он заставляя себя выйти из самолета и поднимает руки.

Сбитая с толку пауза. Сержант Бьянко, у которого не выдерживают нервы, машет рукой. Гарнизон стреляет. Сержант Коэн автоматически падает на землю. Не успевает дым рассеяться, как из самолета вылетают сержант Райт и штурман Тейт, у них в руках пистолеты.

При виде них, весь итальянский гарнизон поднимает руки вверх. У многих ружья падают на землю. Повисает еще более неловкая пауза.

Наконец, полковник Витто выходит вперед. Он совершенно не представляет, что следует говорить в таких случаях.

ПОЛКОВНИК: Эээ... Добро пожаловать. Мы бы хотели капитулировать. Вот. Пожалуйста. Спасибо.

Английские сержанты переглядываются: никто из них не говорит по-итальянски. Они совершенно не представляют, что им делать в таком случае. Наконец:

ПИЛОТ КОЭН: Коэн Сид. Сержант. Номер 64012.

ПОЛКОВНИК: Прошу прощения?

ПИЛОТ КОЭН: Коэн Сид. Сержант. Номер 64012.

На всякий случай, пилот Коэн протягивает вперед руки, готовый, к тому, что на него наденут наручники. Его товарищи следуют его примеру.

Полковник Витте поворачивается к адъютанту.

ПОЛКОВНИК: Срочно вызовите переводчика.

Адъютант убегает.

Я: Надо, наверное, пояснить некоторое недоразумение. Так, как эту историю мне рассказывала мама, все ее герои, разумеется, говорили по-русски вместо английского или итальянского. Так и получалась такая смешная ситуация, что люди, говорящие на одном языке, не понимали друг друга. Меня в детстве она очень забавляла.

Повисает очередная очень неловкая пауза. Англичане так и стоят с протянутыми руками. Полковник Витто не понимает, что делать, и, на всякий случай протягивает руки в аналогичном жесте.

Из-за самолета показывается фигура майора Мюде. На голове у него соломенная шляпа, сам он в длинном купальном халате, на плече полотенце. Он только что закончил купаться. Майор насвистывает. Впервые за долгое время у него хорошее настроение. Как только майор видит самолет, и англичан, он бросается к ним. Шляпа слетает с головы, полотенце падает на землю, но майор не замечает этого, он несется вперед.

МАЙОР (начинает кричать еще на бегу): Боже мой, как я рад! Как это замечательно! Я так счастлив! Добро пожаловать, добро пожаловать! Что же вы так стоите? Все ли вам нравится?

Постепенно речь его становится неестественной, он начинает задыхаться. У майора начинается что-то вроде нервного срыва. Англичане мрачно переглядываются между собой.

Сержант Райт лезет в карман за пистолетом.

ПИЛОТ КОЭН (шепотом): Даже не думай. Или хочешь, чтоб нас тут же расстреляли?

СЕРЖАНТ РАЙТ (так же): Ты думаешь, нас что-то спасет? Судя по тому, как он орал, нам отсюда не выбраться.

Полковник Витто явно раздражен появлением майора. Он кивает сержанту Бьянко, чтобы тот увел майора. Алессандро Бьянко аккуратно берет майора за плечи и ведет к военному лагерю.

Я: Наконец, когда напряжение, кажется, уже невыносимым, появляется Переводчик – очень живой и веселый человек лет пятидесяти. Его манера речи, его движения, в общем, его поведение, больше напоминает поведение детского доктора, чем переводчика.

Переводчик, кажется, вовсе не замечает напряжения. Он здоровается с полковником и англичанами, как будто они все много лет знакомы.

ПЕРЕВОДЧИК: Полковник Витто, я искренне рад, что вам понадобились мои скромные услуги. Итак, чем я могу помочь вам сегодня?

ПОЛКОВНИК: Джузеппе, скажите пожалуйста этим трем молодым людям, что мы бы хотели немедленно капитулировать. И что посылать остальной десант нет абсолютно никакой необходимости.

Переводчик внимательно слушает Полковника, затем разворачивается к англичанам, которые в совершенном недоумении – зачем надо было вызывать переводчика? Не собираются же им устраивать допрос прямо на улице?

ПЕРЕВОДЧИК: Добрый день, мои дорогие друзья! Перед вами полковник Чезаре Витто – командир гарнизона этого славного острова. И он предлагает вам капитуляцию. Так что высылать остальной десант, друзья мои, нет никакой необходимости!

Англичане переглядываются. Они ничего не понимают.

ШТУРМАН ТЕЙТ: Капитулировать?

СЕРЖАНТ РАЙТ: Он имеет ввиду сдастся в плен.

ПИЛОТ КОЭН (очень аккуратно): Пожалуйста, скажите полковнику, что мы согласны сдастся, вот наше оружие...

Стоит пилоту Коэну полезть за пистолетом, как волна ужаса проходит по всем стоящим – от переводчика до последнего солдата.

ПЕРЕВОДЧИК: Мой дорогой, друг, уверяю вас, для применения столь серьезных мер нет никакой необходимости! Мы сдаемся!

Полковник Витто вытаскивает из портфеля и протягивает пилоту Коэну документ, в котором признается полная капитуляция гарнизона острова Лампедуза во главе с самим, собственно, полковником Витто.

ПОЛКОВНИК: Объясните ему, что нужно только подписать.

ПЕРЕВОДЧИК (указывая на пустое место в низу документа): Мы сдаёмся, капитулируем. Просто подпишите здесь, будьте добры!

Я: Здесь я обычно начинала засыпать, поэтому многих деталей истории не помню. Ни уморительных диалогов с переводчиком – мама изображала разные голоса – ни полета британских сержантов назад на Мальту. Зато я хорошо помню самый конец истории, который происходил уже на Мальте.

Военный лагерь на Мальте. Пилот Коэн стоит в кабинете капрала Праута. Капрал в ярости. Капрал орет.

КАПРАЛ: Сержант Коэн! Какого черта?! Что вы себе позволяете? Вы думаете, командование отправило вас на прогулку? Просто так, покататься на самолётике над морем, провести время с приятелями? Вы и ваша команда была отправлена на картографическую разведку, чтобы уточнить местность для следующей атаки. Но атака вас не дождалась. Не так ли?

Пауза.

Не так ли?!

ПИЛОТ КОЭН: Так точно, сэр.

КАПРАЛ: А почему, позвольте спросить, мы не смогли дождаться вашего присутствия? Где вас черти носили?

ПИЛОТ КОЭН: Осмелюсь доложить, сэр, атака на Лампедузу больше не нужна. Сэр.

КАПРАЛ: Неужели? Это еще почему? Или вы, лично, с вашим очаровательным экипажем, втроем, завоевали гарнизон, в котором, по нашим оценкам около четырех тысяч человек?! Может быть, они сдались вам и теперь вы... герцог, да нет, что там, давайте брать выше, король этого очаровательного места. Король Лампедузы!

ПИЛОТ КОЭН: Так точно, сэр.

КАПРАЛ: ЧТО?!

ПИЛОТ КОЭН: Разрешите показать, сэр.

Пилот Коэн достает из кармана и разворачивает документ о капитуляции.

Тут так и сказано, сэр – четыре тысячи триста человек. Все капитулировали. Сдали нам оружие и все такое, сэр. Капитулировали лично передо мной, сэр. Тут так и написано, сэр – сержант Коэн – король Лампедузы.

Я: Финал у этой истории тоже получился немного скомканным, но к этому времени было уже совсем поздно, и мама хотела меня поскорее уложить. Я лежала в своей кровати и представляла загадочный остров Лампедуза с песчаным пляжем, и теплым ласковым морем, и непременно, большим каменным замком, в котором живет король Лампедузы. пилот сержант Сид Коэн, похожий на молодого Макса из «Однажды в Америке». Я прилетала к нему на маленьком самолете, который садился не на посадочную полосу, а обязательно посреди острова. И там, на этом прекрасном острове со мной случались самые невероятные приключения.

Когда я была маленькой, и меня спрашивали, кем я хочу быть, я уверено отвечала «королевой кукурузы», и не понимала, почему все вокруг смеются. Потом, когда стала постарше, твердила всем, что буду летчиком.

Летчиком я не стала. Королевой тоже.

Сейчас, когда я ложусь в кровать и закрываю глаза, я не вижу волшебного острова Лампедуза, я вообще ничего не вижу. Мне не снится никаких снов, никаких магических и чудесных приключений не приключается со мной. Я стала большим, серым и скучным взрослым, который, к тому же еще и ничего не знает о своем происхождении и своем народе.

Единственное, что я знаю о своем народе с детства, это не то, что мы избранный народ, не то, что мы народ, который все всегда ненавидели, не то, что мы народ, переживший Катастрофу, я знаю, что евреи — это такие люди, которым, даже если это всего один, практически безоружный еврей, сдаются вооруженные до зубов гарнизоны.

И поэтому, когда моя однокурсница с зелеными волосами и красными очками спрашивает меня:

«Правда ли, что все евреи знают друг друга?»

Я смотрю ей прямо в глаза (и в моих глазах загорается тот самый огонек, который горел в глазах сержанта Коэна, когда он принимал капитуляцию Лампедузы), я смотрю ей прямо в глаза, и говорю:

«Да».